

DOI: 10.31696/S086919080033986-1

ВЬЕТНАМ В ПЕРВОЙ ПОДОВИНЕ XVIII ВЕКА.
ПРАВИТЕЛЬ ЧИНЬ ЗЯНГ (1730–1740): PRO ET CONTRA

© 2025

А.Л. ФЕДОРИН^а

^а – Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0336-0055; ffeedd@list.ru

Резюме: Фактический правитель Вьетнама в 1730–1740 гг. Чинь Зянг однозначно рассматривается в традиционной историографии и современных исторических исследованиях как неумелый и самоуверенный самодержец, результатом правления которого стали многочисленные восстания, которые привели страну на грань катастрофы. Не пытаясь целиком опровергнуть эту теорию, автор настоящей статьи на основе не проводившегося ранее тщательного анализа летописных источников попытался охарактеризовать Чинь Зянга как личность, а также проследить его путь от вполне легитимного и всеми уважаемого мудрого правителя к безумному тирану, которого возненавидела вся страна.

Будучи одним из наиболее одаренных и образованных правителей дома Чинь (правил в 1545–1786 гг.), убежденный конфуцианец, поэт и даже композитор Чинь Зянг на первом этапе своего правления сумел во многом поправить ошибки, допущенные в ходе реформ его отца, и поставить страну на путь выхода из глубокого социально-экономического кризиса в котором она находилась. Его реформы в сфере образования запустили процессы небывалого ранее во Вьетнаме подъема литературной и научной деятельности. Однако очень скоро его стремление к полной самостоятельности и абсолютной власти, которых он попытался добиться путем полной замены элит, привело его к конфликту практически со всем окружением (кроме преданных ему евнухов). Попытка преодолеть этот конфликт путем масштабных репрессий, казней и высылки недовольных из столицы, начавшихся со свержения, а затем и убийства императора Ле Зуи Фыонга (правил в 1729–1732 гг.), привела к расколу общества и спровоцировала масштабные гражданские войны. В итоге Чинь Зянг потерял всякую поддержку и был свергнут практически без сопротивления. Причем во главе заговорщиков встала собственная мать правителя, предпочтя ему младшего брата Чинь Зоаня (правил в 1740–1767 гг.).

Ключевые слова: Новая история Вьетнама, правящий дом Чинь, Чинь Зянг, гражданские войны во Вьетнаме в XVIII веке

Для цитирования: Федорин А.Л. Вьетнам в первой половине XVIII века. Правитель Чинь Зянг (1730–1740): pro et contra. *Восток (Oriens)*. 2025. № 4. С. 66–76. DOI: 10.31696/S086919080033986-1

VIETNAM IN THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY.
RULER TRINH GIANG (1730–1740): PRO ET CONTRA

© 2025

Andrey L. FEDORIN^a

^a – Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0336-0055; ffeedd@list.ru

Abstract: *In traditional historiography, Trinh Giang, the de facto ruler of Vietnam in 1730–1740, is unequivocally considered an inept and arrogant autocrat, whose rule resulted in numerous uprisings that brought the country to the brink of disaster. The author of this article tried to characterize Trinh Giang as a person, as well as to trace his path from a completely legitimate and respected wise ruler to an insane tyrant whom the whole country hated.*

Being one of the most gifted and educated rulers of the house of Trinh, Trinh Giang, at the first stage of his reign, mostly managed to correct the mistakes made during his father's reforms and put the country on a path out of a deep socio-economic crisis. His reforms in the field of education launched the processes of an unprecedented rise in literary and scientific activity in Vietnam. However, very soon his desire for independence and absolute power, which he tried to achieve by completely replacing the elites, led him into deep conflict with almost everyone around him (except the eunuchs devoted to him). An attempt to overcome this conflict through large-scale repressions, executions and expulsion of discontented people from the capital, led to a split in society and provoked large-scale civil wars. In the end, Trinh Giang lost all support and was overthrown with little or no resistance. Moreover, the ruler's mother stood at the head of the conspirators, preferring his younger brother Trinh Doanh (ruled in 1740–1767).

Keywords: modern history of Vietnam, ruling house of Trinh, Trinh Giang, civil wars in Vietnam in the 18th century

For citation: Fedorin A.L. Vietnam in the First Half of the 18th Century. Ruler Trinh Giang (1730–1740): pro et contra. Vostok (Oriens). 2025. No. 4. Pp. 66–76. DOI: 10.31696/S086919080033986-1

Традиционная вьетнамская историография при описании важных исторических личностей редко использует полутона. Для нее гений и герой при любых обстоятельствах остается героем и гением, а злодей и узурпатор – узурпатором и злодеем. При комментировании летописей, затрагивающих более ранние периоды, нам уже приходилось иметь дело и с подобными героями (Ле Лой, Ле Тхань-тонг, Чан Куок Туан), и с подобными злодеями (Чан Тху До, Ле Куи Ли, Ле Нги Зан), которые по материалам тех же самых хроник на самом деле оказывались весьма сложными личностями со своими недостатками и достоинствами, достижениями и преступлениями, победами и неудачами. Одним из «злодеев» во вьетнамских исторических источниках был назначен и правитель-*тюа* Чинь Зянг (14.X.1711–4.I.1762, прав. в 1730–1740 гг.), и, как всегда, с этим нельзя полностью согласиться.

Чинь Зянг, которого в исторических текстах также нередко именуют Чинь Кхыонгом, был старшим сын правителя-*тюа* Чинь Кыонга (9.VII.1686–8.I.1730, прав. в 1709–1730 гг.). Его матерью была наложница-*тьи*еувиен Ву Тхи Нгок Нгуен (20.IV.1690–8.XI.1751), дочь, по-видимому, высокопоставленного военного Туан-*куанконга* Ву Тат То, посмертно объяв-

ленного Туанчаты-конгом. Позиции этого рода при дворе были не слишком сильны, поэтому мать будущего наследника при жизни его отца так и оставалась простой наложницей, а сам Чинь Зянг сразу после рождения был провозглашен приемным сыном «главной матери», первой жены Чинь Кыонга верховной супруга-*тхайфи* из рода Чыонг, рода матери Чинь Кыонга, патриархом в котором был ее отец Чыонг Зы (1641–9.X.1716). Из этого рода правители Чинь выбирали жен уже давно, ещё со времен его основателя Чинь Киема, чьей третьей женой являлась Чыонг Тхи Нгок Зиен или Чыонг Тхи Нгок Лань [Trịnh gia thế phả, с. 8а, 11а; Полное собрание, 2002–2022, т. 7, с. 252, прим. 119; т. 8, с. 453, 454].

Тем не менее Чинь Зянг воспитывался в доме родной матери вместе со своим единокровным младшим братом Чинь Зоанем (4.XII.1720–15.II.1767, будущий *тюа*, правивший в 1740–1767 гг.) и двоюродным младшим братом Ле Зуи Тханом (29.III.1719–30.IX.1748, будущий император Ле И-тонг, правил с 1735 по 1740 г.), одиннадцатым сыном императора Ле Зу-тонга от рано умершей (в 1723 г.) старшей сестры Ву Тхи Нгок Нгуен.

Судьба Чинь Зянга складывалась максимально благоприятно. Достигнув совершеннолетия, в 1727 г. он был провозглашен наследником правителя-*тюа*, а в 1730 г. после неожиданной безвременной кончины отца (в возрасте 45 лет) занял его место. Приход к власти молодого наследника на фоне многочисленных заговоров и мятежей, ранее практически всегда фиксировавшихся при передаче престола в роде Чинь, выглядел абсолютно спокойным и безальтернативным, позволяя ему полностью и быстро сконцентрировать в своих руках всю полноту власти в государстве.

Анализ действий и устремлений Чинь Зянга показывает, что он был ортодоксальным конфуцианцем, получившим блестящее образование и посвятившим существенную часть своих усилий развитию и укреплению позиций этого учения в своей стране. Одним из первых его мероприятий (1731 г.) стало создание ксилографических досок для тиражирования Пятиканония [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 120], которые были изготовлены и введены в оборот в 1734 г., причем Чинь Зянг лично составил предисловие к этому изданию [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 142, 143]. Вслед за этим аналогичные действия были предприняты и в отношении конфуцианского Четверокнижия (1734 г.), а также китайских исторических хроник, прозы, стихов и словарей (к сожалению, не перечисленных в источниках) [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 142], которые были завершены в 1736 г. [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 151]. Параллельно он затеял сбор по всей стране сохранившихся древних книг и рукописей, не жалея денег на их приобретение для государственной библиотеки [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 134].

При Чинь Зянге была проведена глубокая реформа конфуцианского образования и системы государственных конкурсных испытаний на всех уровнях, направленная на искоренение начетничества, тулого заучивания и злоупотреблений на экзаменах, с одной стороны, и отказ от так называемых «восьмичленных сочинений», в которых форма господствовала над содержанием – с другой [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 135, 136, 142]. Именно меры, принятые в данной сфере при этом правителе, в какой-то мере способствовали необычайному взлету вьетнамской философии, гуманитарной науки и литературы в XVIII – первой половине XIX в., отмеченному многими исследователями.

Как истинный конфуцианец, Чинь Зянг уделял очень много внимания ритуалу, строгому соблюдению всех правил, почестям, положенным в соответствии с рангами, в том числе и для лауреатов конкурсных испытаний [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 151]. Особую роль в его жизни играла музыка. Он не только тщательно регламентировал ее исполнение при дворе в ходе различных церемоний [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 135–136], но и сам написал мелодии для шести гимнов, предложив исполнять их в соответствующих ситуациях [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 148]. При нем была предпринята очередная попытка заново

сформировать полный кодекс законов государства [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 144], но завершить эту работу во времена его правления так и не успели.

Чинь Зянг, как и все правители его рода, был выходцем из военной среды, однако его интересы в корне отличались от интересов людей этого круга. Вместо охоты, пиров, маневров и военных походов он посвящал весь свой досуг совершенно другому времяпрепровождению. Вот цитата из в целом враждебного по отношению к нему источника: «*Вьонг* обожал литературу и искусство. Часто после заседаний династии призывал близких ему сановников на неофициальные банкеты в палатах, или в зале Зьонгтьинь, или в павильоне Батзяк, или в палатах феникса Западного дворца. Иногда давал на просмотр и обсуждение древние книги, проводил дискуссии по смыслу писаний. Или показывал правила написания иероглифов в стилях *кай*[иу], *цао*[иу], *ли*[иу] и [*сяо*]чжуань, или задавал рифму и повелевал посоревноваться в написании стихов. Бывало, что обращались для цитирования к официальным письмам, запискам и славословиям, эпиграфике и наставлениям, жизнеописаниям. Непременно присутствовали и тексты указов и установлений, прославление красивых пейзажей, написанных при действующей династии. Те, кого на конкурсе признавали удовлетворяющими требованиям, богато награждались лично [*вьонгом*]. Также повелел составить сборник стихов, написанных в нашей стране, распределив по категориям и сопроводив списком [названий] с указанием фамилий и имен авторов, чтобы в этом была полная ясность» [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 148]. Увлечения для человека, призванного быть грозным военачальником, весьма необычные. В этом он напоминал великого императора Ле Тхань-тонга с его «двадцатью восемью звездами мира литературы» (Таодан).

Неоднозначным было отношение Чинь Зянга к буддизму. С одной стороны, как истинный конфуцианец, презиравший эти «причудливые начала», он уже очень скоро запретил любое строительство в стране новых буддийских храмов и создание статуй Будды [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 148], особенно медных. С другой стороны, грандиозный ремонт и расширение главных буддийских святынь, которые были затеяны его отцом и в которых были задействованы податные целых уездов, не прекращались ни на один день [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 119, 143, 148–149, 151–153]. Конец этому был положен лишь при его преемнике Чинь Зоане [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 165]. Почему было так, объяснить трудно. Возможно, это происходило под влиянием матери правителя, игравшей важную роль на политической сцене все эти десять лет, возможно, кого-то другого из военных кругов (профессиональные военные во Вьетнаме во все времена больше тяготели к буддизму, чем к конфуцианству). Но в любом случае необходимо отметить, что практически все культовые сооружения, реконструируемые во времена Чинь Кыонга и Чинь Зянга, имели прямое отношение к императору Чан Нян-тонгу и его последователям в рамках школы Чукам, и это нельзя считать случайным.

Вот с такими идеями и в такой спокойной и деловой обстановке пришел к власти новый 20-летний правитель-*тюа*, кандидатура которого могла показаться просто идеальной. За первые два года состав оставленных ему в наследство от отца приближенных практически не менялся. Правительство по-прежнему возглавляли *тхамтунги* Нгуен Конг Ханг и Ле Ань Туан, во главе войск стояли военачальники, представлявшие роды, связанные с Чинями взаимными родственными узами по женской линии (Чьонг, Данг, Динь). Сохранялась сформировавшаяся еще при Чинь Кыонге тенденция к дистанционированию правителя-*тюа* от его родственников по отцовской линии, что было вполне объяснимо многочисленными попытками государственных переворотов с их стороны в прошлом. Хотя таких родственников было (судя по семейной хронике рода Чинь) очень много, на страницах летописи практически никто из них не фигурирует. Исключение составляет лишь Чинь Куан, младший сын *тюа* Чинь Така, прапрадедушки действующего правителя, который к тому времени явно

был уже очень стар. Из изменений можно лишь отметить существенное укрепление позиций матери Чинь Зянга, которая немедленно перестала быть простой наложницей и была провозглашена верховной супругой-*мхайфи*, и появление в окружении ее родственников, в частности, брата Ву Тат Тхана («главная мать» из рода Чыонг со страниц летописи исчезла).

Казалось бы, в такой ситуации и с сохранившимся аппаратом Чинь Зянг должен был продолжить политику реформ своего отца [Федорин, 2023; 2024; *Продолжение*, 2024, т. 1, с. 6–50], однако страна бурлила, находилась на грани взрыва (который, в конце концов, и последовал), и новому правителю хватило ума принять конкретные меры, чтобы хотя бы отсрочить неминуемые события. При этом он ухитрился сделать это с тем же составом чиновников, которые все эти непопулярные меры ранее и ввели. Во многом это говорит о том, что инициатором и вдохновителем этих опасных реформ был все-таки сам Чинь Кьонг, а не его окружение.

Анализ десятилетней экономической деятельности Чинь Зянга требует отдельного подробного исследования. Здесь же мы ограничимся перечислением (и то далеко не полным) главных из них: существенное снижение поземельного налога, особенно с частных и малоурожайных земель, а также сбора *диуе*, заменившего трудовую повинность [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 113–115], ликвидация абсолютного большинства внутренних таможен, тормозящих свободное перемещение товаров [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 114], запрет на реквизицию или закупку по обязательным низким ценам стройматериалов для государственного строительства [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 116], отказ от ежегодной переписи земель и налогоплательщиков (теперь это делали лишь один раз в 12 лет, что фактически стало возвратом к «постоянному налогообложению») [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 134], полная отмена налогов на ремесленную и местную продукцию [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 140], полная отмена налога на соль [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 140], сокращение рекрутского набора и приема в армию добровольцев [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 150–151]. Придя к власти, этот правитель немедленно и решительно отказался от идеи отца перенести столицу в уезд Зялам, на другой берег Красной реки, которая уже была на стадии реализации [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 119] и воспринималась многими в стране как попытка создать собственную императорскую династию. Все это положительно повлияло на ситуацию и нашло объективное отражение в усилении «эпиграфической активности» в обществе [Федорин 2006, с. 297–300; 2023; *Продолжение*, 2024, с. 35].

Казалось, что руководство страны движется в правильном направлении, и непростую обстановку в ней, оставшуюся в наследство от Чинь Кьонга, удастся постепенно привести в относительную норму, но наступил 1732 г., и к экономическим факторам дестабилизации стали быстро добавляться идейно-политические. 13 октября того же года по прямому указанию Чинь Зянга с престола был свергнут император Ле Зуи Фьонг (1714–1735, прав. в 1730–1732 гг.) [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 137]. Причем сделано это было в жесткой форме: вместо практиковавшейся ранее прижизненной передаче власти наследнику с получением высокого звания Верховный император и спокойным существованием вплоть до естественного конца, что Чини уже не раз проделывали ранее со многими представителями династии Поздних Ле, не встречая особого сопротивления, Ле Зуи Фьонга действительно низвергли: понизили до титула Хондык-конг и заключили под стражу. Дежурный повод для этого («пьянство и разврат») вряд ли стоит принимать во внимание всерьез. Истинная причина крылась глубже, но о ней можно лишь догадываться. Ле Зуи Фьонг был очевидным ставленником покойного отца Чинь Зянга – Чинь Кьонга, получившим престол в обход законного наследника: он был лишь пятым по счету сыном императора Ле Зуи-тонга при наличии живых старших братьев, включая самого старшего из них, Ле Зуи Тьонга (16.III.1699–5.VI.1735, будущий император Ле Тхуан-тонг, прав. в 1732–1735 гг.). Этот

выбор, возможно, был связан с тем, что он был родственником дома Чинь по женской линии (его матерью была Чинь Тхи Нгок Чанг, дочь Чинь Виня, старшего сына *тюа* Чинь Кана и деда Чинь Кыонга, который одно время был наследником). Историческое предание свидетельствует о том, что у Чинь Зянга и Ле Зуи Фыонга еще раньше, до их практически одновременного получения своих постов, возникла личная неприязнь. Кроме того, в ходе правления многолетних императоров Ле Хи-тонга (15 сыновей) и Ле Зу-тонга (14 сыновей) при дворе образовался целый отряд взрослых и хорошо образованных прямых родственников правящей династии, потенциально опасных для рода Чинь, чье правление в Дайвьете с точки зрения имперской религии было абсолютно не легитимным. Такого прежде не было: все предшественники Чинь Зянга стремились к тому, чтобы подходящих для трона наследников у Ле было немного, новые императоры получали свои права в нежном возрасте и почему-то не доживали до зрелых лет. В воздухе стала витать идея возврата власти законным правителям, иногда даже выливавшаяся в открытые формы (см., например, доклад чиновника Буй Ши Тиема в 1731 г. [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 120–133]), что не могло не нервировать действующего *тюа*.

В любом случае это действие Чинь Зянга, внешне вполне легитимное (возвращение власти к главной линии династии: Ле Тхуан-тонг был самым старшим сыном императора Ле Зу-тонга), встретило непонимание и скрытое осуждение со стороны общественного мнения и практически всего его ближайшего окружения, включая, как показали дальнейшие события, даже мать и младшего брата. Летописи не пишут об этом прямо, но анализ последовавших далее событий показывает, что все складывалось именно так. Чинь Зянг, видимо, понял и оценил это сразу: налоговые послабления в связи с возведением на престол нового императора оказались минимальными [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 137], а из высших чиновников традиционные награды по этому случаю получили лишь престарелый Чинь Куан и послушные канцлеры Нгуен Конг Ханг и Нгуен Хиеу [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 138]. Молодой правитель явно почувствовал резкое ослабление собственных позиций, но, по-видимому, решил настаивать на своем и в этом идти до конца. Ему нужна была смена элит, нужно было найти новую опору в условиях утраты поддержки традиционных партнеров правящего дома из числа военных и гражданских чиновников и больших сомнений в отношении их лояльности в будущем. И такой опорой для него стали внуки во главе Хоанг Конг Фу, единственные, кто поддержал его полностью и безоговорочно. Место для новой элиты еще предстояло расчистить, и первой жертвой этой чистки стал канцлер Ле Ань Туан, который был изгнан из столицы и назначен военным губернатором в горных провинциях Лангшон и Тхайнгуен (1732 г.) [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 138]. Но пытаться расправиться сразу со всеми недовольными было опасно, и молодой правитель, не понимая никого в должности, просто отправил наиболее влиятельных из них на периферию: Чыонг Ньиеу назначили управлять Хайзыонгом, Данг Динь Зяна – Шонтаем, До Ба Фама – Шоннамом, Чыонг Ньынга – Нгеаном, Нгуен Тхо Чыонга – Тханьхоа [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 138]. Внешне все выглядело вполне пристойным, но цель этого была очевидна: убрать из столицы наиболее могущественных вельмож, дабы не дать им возможность вступить в заговор против правителя. А заговоры мерещились Чинь Зянгу постоянно. Он стал очень мнительным и, опасаясь за свою безопасность, существенную часть времени стал проводить за пределами столицы, пренебрегая конкретными делами управления в условиях постепенно нарастающих антиправительственных выступлений.

Его следующими жертвами стали оставшийся от прежних времен канцлер Нгуен Конг Ханг, отправленный все в том же 1732 г. в качестве гражданского администратора в провинцию Туенкуанг, а затем принужденный к самоубийству [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 138–139]. Поводом для этого послужило якобы найденная в архиве Чинь Кыонга

бумага за его подписью, в которой он возражал против назначения в 1727 г. Чинь Зянга наследником [Phạm Đình Hồ, Nguyễn Ân, 1997, с. 154–159]. Затем пришла очередь евнуха-военачальника До Ба Фама, представлявшего интересы военных в чиньской администрации в качестве *тхыфушы*, которого также сначала отправили простым военным инспектором в провинцию Анкуанг, а затем заставили покончить жизнь самоубийством (1734 г.), несмотря на открытый протест приближенных молодого правителя [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 146–147].

Следующий, еще более острый этап практически открытого противостояния Чинь Зянга с элитами и обществом Дайвьета начался в 1735 г., когда неожиданно умер император Ле Тхуан-тонг. *Тюа* принял в связи с этим очередное неоднозначное и непопулярное решение: вместо старшего сына покойного императора ни чем не провинившегося 19-летнего Ле Зуи Зиеу (20.V.1717–10.VIII.1786, будущий император Ле Хиен-тонг, прав. в 1740–1786 гг.), на троне оказался 17-летний Ле Зуи Тхан (29.III.1719–30.IX.1748, император Ле И-тонг, прав. в 1735–1740 гг.), одиннадцатый сын Ле Зу-тонга, приходившийся Чинь Зянгу двоюродным братом по матери, вместе с которым он воспитывался в одной семье. При этом к законному наследнику никаких претензий предъявлено не было. *Тюа* просто считал, что Ле Зуи Тхан «по своему облику похож на прежнего императора» [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 146–147], и этого аргумента оказалось вполне достаточно для нарушения всех священных принципов «законной преемственности власти», основы правления императорских династий в странах Дальнего Востока. При этом репрессии с целью запугать политических противников продолжались: в 1735 г. и изгнанному из столицы Ле Ань Туану также повелели покончить с собой [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 145–146]. Помимо него большое количество сановников средней руки лишилось своих постов и даже имущества. Кроме того, в темнице по приказу сверху был задушен свергнутый в 1732 г. бывший император Ле Зуи Фыонг, который по определению уже не мог представлять какой-то угрозы. Эта казнь была делом бессмысленным и произвела гнетущее впечатление на всех его многочисленных родственников из императорской семьи, почувствовавших себя абсолютно беззащитными от произвола правителей из дома Чинь.

Как это ни парадоксально, во главе скрытой оппозиции Чинь Зянгу встала его собственная мать, Ву Тхи Нгок Нгуен, по-видимому, единственный человек, которому он не мог угрожать реально. Только она могла произвести ответный ход, призванный остановить и предостеречь ее старшего сына от дальнейших необдуманных действий и решений. И этот ход был нетривиальным: в 1736 г. было объявлено, что Чинь Зоань, младший брат Чинь Зянга, провозглашается его официальным наследником, получившим право самостоятельно командовать войсками страны и решать во время отсутствия правителя-*тюа* все текущие политические вопросы [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 149]. Такого в истории страны ранее не было никогда и никогда больше не будет. При живом молодом (27 лет) правителе, вполне способном иметь собственных сыновей (а у него их будет четверо, причем старший, Чинь Донг, умерший в 1761 г. [Trịnh Xuân Tiến, 1991, с. 43], вполне мог появиться на свет и до 1736 г., а младший, Чинь Бонг (25.VIII.1749–16.V.1791, прав. в 1786–1791 гг.), в конце концов, и стал последним *тюа* в роду Чинь), его наследником объявляют младшего брата, т.е. заранее передают «законную преемственность власти» другой линии в рамках одного рода. Такого могла добиться только мать правителя, тем более что этим наследником был объявлен не кто-то из следующих по счету братьев Чинь Зянга (всего сыновей у Чинь Кыонга было четверо), а самый младший, последний, 17-летний юноша, единственным преимуществом которого было только то, что он являлся родным сыном все той же верховной супруги из рода Ву. Такое решение вряд ли могло понравиться действующему правителю, но противостоять матери он, видимо, не смог.

Евнухи во главе с Хоанг Конг Фу как реальная оппозиция военным и гражданским властям страны появились на политической арене не позднее 1732 г., но с 1735 г. их присутствие становится все более и более заметным. В том же году Чинь Зянг построил себе новый походный дворец на горе Тушон в уезде Хиепхоа провинции Киньбак, недалеко от родной деревни уже упомянутого временщика Хоанг Конг Фу, и там он стал проводить большую часть времени [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 148, 153]. Действия оппозиции не только не остановили и не успокоили его, но буквально стали триггером его дальнейшей еще более ожесточенной борьбы со своим бывшим окружением и всеми нормами и правилами, существовавшими в стране столетиями. Противостояние приобретало все более открытые формы. Репрессии ширились. В том же 1736 г. по приказу *тюа* был предательски убит столп оппозиции, брат родной бабки Чинь Зянга губернатор Нгеана Чыонг Нынг. Чинь Зянг попытался полностью узурпировать все оставшиеся немногочисленные императорские полномочия. В первый и последний раз за всю историю дворцовые испытания по отбору *тиенши* были проведены не от имени императора, а от имени правителя, причем победу на них одержал Чинь Туэ, дальний родственник дома Чинь и ставленник Хоанг Конг Фу, получивший при этом высшую из возможных ученых степеней (*чангнгуен*), не присваивающуюся до этого в течение десятилетий [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 150]. Вслед за этим была предпринята попытка (правда, неудачная) ввести на некоторые гражданские должности в правительстве некомпетентных в этих вопросах военачальников [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 152]. Таким образом, был взят курс на замену верхушки госаппарата преданными лично Чинь Зянгу людьми. Были учреждены печати правительства-*фулиеу* и подчиненных ему контор-*фиен*, окончательно узаконивших их статус официальных учреждений страны (до этого их полномочия были лишь неформальными) [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 153]. Чтобы отблагодарить евнухов за их безусловную и постоянную поддержку, Чинь Зянг в 1739 г. пошел на шаг, абсолютно немыслимый для ортодоксального конфуцианского государства: для евнухов был учрежден отдельный табель о рангах, фактически приравнивающий их к гражданским и военным чиновникам, и даже введены специальные конкурсные испытания на право замещать соответствующие должности в гареме по примеру экзаменов на степени *тиенши* для гражданских и на степени *таоши* для военных чиновников [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 154], что вызвало непонимание и бурю негодования в самых широких кругах страны. Апофеозом всех этих безумных и откровенно конфронтационных действий стало распространение в стране информации о том, что в походную резиденцию *тюа* на горе Тушон якобы приезжали послы из Китая, которые провозгласили его верховным правителем государства Аннам (上王, при этом император Ле И-тонг был просто правителем – 王), вручив ему соответствующую печать и инвестиру (китайскими источниками это никак не подтверждается). В 1739 г. был сделан очередной шаг на пути взятия под контроль аппарата власти в стране: действующих на тот момент *тхамтунгов* Нго Динь Тхака и Фам Кхием Итя при формальном сохранении должностей и титулов отправили губернаторами соответственно в Лангшон и Тханьхоа [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 157–158], а в столице их заменил (уже через три года после победы на дворцовом конкурсе!) новоявленный *чангнгуен* Чинь Туэ.

Все эти события происходили на фоне многочисленных антиправительственных выступлений практически во всех провинциях страны. И это были вовсе не голодные бунты крестьян от безысходности – во главе повстанцев стояли бывшие и действующие чиновники и военачальники из самых богатых и известных в стране семей (анализу этих процессов мы посвятим отдельную статью), которые ставили под свой контроль огромные по вьетнамским меркам территории. Дезорганизованная власть в центре во главе с наследником Чинь Зоанем с его сильно урезанными полномочиями была не в состоянии со всеми этими

движениями справиться. Правительственные войска стали терпеть поражение за поражением. В 1738 г. ситуация усугубилась попыткой государственного переворота, которую предприняли принцы крови из династии Поздних Ле во главе с сыном императора Ле Хитонга Ле Зуи Тюком и сыновьями императора Ле Зу-тонга, родными братьями и близкими людьми действующего императора Ле И-тонга – Ле Зуи Куи и Ле Зуи Матом [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 154]. Одним из поводов для этого, безусловно, стала казнь в 1735 г. бывшего императора Ле Зуи Фыонга. В восстании приняли участие ряд представителей высокопоставленных военных родов и даже гражданские чиновники, в том числе имевшие степени *тиениши*. Выступление это было плохо подготовлено и быстро подавлено, но одному из его руководителей (Ле Зуи Мат) удалось вырваться из столицы, бежать в горные районы провинции Тханьхоа и организовать там сопротивление Чиням, продолжавшееся более 30 лет. При этом симпатии очень многих в стране были на стороне повстанцев, которые по конфуцианским меркам защищали «конституционный строй» от «беспредела» (а иначе конкретные действия Чинь Зянга в последние годы его правления охарактеризовать было нельзя) временщиков. Так что опасность последствий политики этого правителя стала распространяться не только лично на него самого, но и на всю систему власти *тюа*-император, сложившуюся еще в XVI в.

Постоянный страх и вполне обоснованная боязнь покушений и переворотов сформировала у Чинь Зянга настоящую манию преследования. В столице он практически не появлялся, всю свою охрану, состоящую из офицеров-южан из Тханьхоа и Нгеана, верой и правдой из поколения в поколение служивших дому Чинь в течение столетий, он заменил на челядь, верную евнуху Хоанг Конг Фу. В конце концов, он повелел построить себе в столице отдельную резиденцию за пределами запретного города, забаррикадировался в ней и сидел там в подвале безвылазно [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 159–160].

Как свидетельствует историческое предание, Чинь Зянг в прошлом вступил в противозаконную связь с любимой наложницей своего покойного отца уроженкой общины Чадонг уезда Тиензу пров. Киньбак из рода Данг. Эта наложница была и ранее запятнана тем, что именно с ней в свое время отправился в поездку в уезд Зялам *тюа* Чинь Кыонг, в ходе которой неожиданно (в 45 лет) скончался, а она, скрыв это от всех, самовольно привезла в столицу его тело. Узнав об этой связи сына, его мать повелела наложнице покончить жизнь самоубийством. Позднее рядом с Чинь Зянгом ударила молния, нанеся ему физические и психологические травмы. Евнухи убедили его, что это – небесное наказание за грех прелюбодеяния с наложницей отца, молния будет преследовать его постоянно, и единственный выход – это поселиться в подземелье, коим и было помещение во дворце Тхыонгчи, где он пребывал безвылазно [Khâm định Việt sử, СВ-XXXVIII, с. 16b]. Насколько это версия, взятая летописцами из художественного произведения, соответствует истине, сказать трудно, но на исторической арене Чинь Зянг после 1739 г. не появлялся вообще.

Таким образом, практически вся власть в стране перешла в руки Хоанг Конг Фу, и он начал править от имени Чинь Зянга, которого уже никто и не видел. Репрессии стали еще жестче, полностью дезорганизовав жизнь в столице. Вот что об этом пишут в летописях: «Конг Фу и его родственники и приспешники стали воровски верховодить, наказывать и миловать. Зная, что много людей в Поднебесной строят против них [враждебные] планы, со всей суровостью стали их устрашать. Не было и дня, чтобы кого-нибудь из оклеветанных больших сановников не прогнали, не казнили или [хотя бы] не отрутали. Оставшиеся в большинстве своем стали подавать тайные доклады с обвинениями в преступлениях, враждующие и обиженные оговаривали друг друга. Подвергшиеся конфискации семьи гибли, не оставляя и следа. Люди не могли себя защитить. Налоги и повинности стали

невыносимыми. Апеллировать было не к кому, и у всех возникли сомнения, обиды и мысли о смуте» [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 159–160].

Все это сделало для вьетнамских элит государственный переворот неизбежным. Альтернативой ему могло быть только падение дома Чинь, с которым они были связаны неразрывными узами. И подготовку к этому перевороту возглавила сама мать Чинь Зянга. Действуя через учителя своих сыновей Нгуен Куи Киня, внука знаменитого канцлера Нгуен Куи Дыка, который в свое время привел к власти ее мужа Чинь Кыонга, она привлекла к нему все более-менее значимые фигуры из резиденции *тюа*, уберегшиеся от репрессий и не запятнавшие себя сотрудничеством с евнухами Чинь Зянга [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 160–161]. Она же смогла создать и благоприятные условия для переворота. По преданию, будучи одной из очень немногих, допущенных в подвалы своего старшего сына, она потребовала от него возглавить войска для подавления восстаний в провинции Хайзыонг, а встретив его категорический отказ, добилась, чтобы он поручил эту миссию Хоанг Конг Фу, которому пришлось вскоре со всей армией выйти из столицы и отправиться в поход [Trịnh Xuân Tiến, 2003, с. 16–17]. После этого осталось лишь убедить Чинь Зоаня принять власть и запугать евнухов, попытавшихся воспрепятствовать подписанию соответствующих документов у императора. Переворот прошел бескровно, был полностью поддержан абсолютным большинством чиновников, военачальников и населения, закончившись лишь заменой охраны у бункера, где прятался Чинь Зянг. Хоанг Конг Фу, узнав о произошедшем и понимая, что его не поддержит даже войска, находившиеся под его командованием, скрылся в сопровождении лишь десяти своих приближенных [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 161].

Анализ деятельности нового правителя-*тюа* Чинь Зоаня выходит за рамки данного исследования. Отметим только, что уже своим первым указом он полностью дезавуировал многие решения, принятые его старшим братом за последние годы. В частности, ранги и экзамены для евнухов отменили, уволенным чиновникам вернули их должности, это же распространилось на казенных и принужденных к самоубийству, храмовое строительство, находившееся в самом разгаре, было немедленно прекращено, солдатское довольствие увеличили, поземельный налог в Тханьхоа и Нгеане полностью отменили [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 161–162]. В рамках все тех же мероприятий с целью добиться нормализации положения в стране чуть позже императора Ле И-тонга, родного брата мятежников, назначенного по произволу Чинь Зянга, заменили более легитимным и не связанным со «злодеями» старшим сыном Ле Тхуан-тонга Ле Зуи Зиеу (император Ле Хиен-тонг), вернув власть в главную линию династии Поздних Ле. Но в отличие от предыдущей замены монарха сделано это было вполне мягко и корректно: отставной император получил титул Верховного и продолжил жить в свое удовольствие, пользуясь полной свободой [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 168]. Ситуация в стране оставалась очень тяжелой, но благодаря разумной политике, проводимой новыми властями, ее постепенно удалось стабилизировать, и история правящего дома Чинь продлилась на еще более чем сорок лет.

К реальной власти Чинь Зянг, получивший почетный титул Верховного правителя, более допущен не был, но в соответствии с историческим преданием его отношения с младшим братом быстро наладились. Они часто встречались и совместно проводили время, выезжали вместе в поездки по стране [Đại Việt sử ký tục biên, 1991, с. 270]. Более того, Чинь Зоань даже подумывал о том, чтобы вернуть «законную преемственность власти» главной линии рода Чинь, намереваясь сделать своим наследником Чинь Донга, старшего сына Чинь Зянга, и даже позволил ему открыть собственную резиденцию, но в 1761 г. тот безвременно скончался [Trịnh Xuân Tiến 2003, с. 43]. В таком виде образ этих двух братьев и сохранился «на зелени истории»: старший – злодей и неудачник, младший – мудрый правитель, добродетельный сын и младший брат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 1–8. М.: Восточная литература, 2002–2022 [*Complete Collection of the Historical Notes of Dai Viet (Dai Viet su ky toan thu)*]. Vol. 1–8. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002–2022 (in Russian)].

Продолжение Полного собрания исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы тук биен). Т. 1. М.: Наука; Восточная литература, 2024 [*Continuation of the Complete Collection of the Historical Notes of Dai Viet (Dai Viet su ky toan thu tuc bien)*]. Vol. 1. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2024 (in Russian)].

Федорин А.Л. Особенности вьетнамской эпиграфики. Периодизация истории Вьетнама XV–XVIII вв. на основании данных эпиграфики. *Теория и методы исследования восточной эпиграфики*. Отв. ред. Д.Д. Васильев. М.: Восточная литература, 2006. С. 266–310 [Fedorin A.L. Features of Vietnamese Epigraphy. Periodization of the History of Vietnam in the 15th–18th centuries Based on Epigraphic Data. *Theory and Methods of Research of Oriental Epigraphy*. D.D. Vasilyev (ed). Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. Pp. 266–310 (in Russian)].

Федорин А.Л. «Золотой век» традиционного вьетнамского общества. «Постоянное налогообложение» второй половины XVII – начала XVIII вв. *Вьетнамские исследования*. 2023. Т. 7. № 4. С. 50–60 [Fedorin A.L. “Golden Age” of Traditional Vietnamese Society. “Continuous Taxation” in the Second Half of the 17th – Beginning of the 18th Century. *Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2023. Vol. 7. No. 4. Pp. 50–60 (in Russian)].

Федорин А.Л. Реформы правителя Дайвьета Чинь Кыонга и их негативные последствия. *Вьетнамские исследования*. 2024. Т. 8. № 3. С. 45–56 [Fedorin A.L. The Reforms of the Ruler of Dai Viet Trinh Cong and Their Negative Consequences. *Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2024. Vol. 8. No. 3. Pp. 45–56 (in Russian)].

Đại Việt sử ký tục biên (Продолжение исторических записок Дайвьета). Hà Nội: Nhà xuất bản Văn hóa – thông tin. 1991 [*Dai Viet su ky tuc bien (Continuation of the Complete Collection of the Historical Notes of Dai Viet)*]. Hà Nội: Nhà xuất bản Văn hóa – thông tin. 2011. 482 tr. (in Vietnamese)].

Phạm Đình Hồ, Nguyễn Ân. *Tang thương ngẫu lục. Tổng tập tiểu thuyết chữ Hán Việt Nam* (Фам Динь Хо, Нгуен Ан. *Записки о трагедиях и случайностях. Полное собрание вьетнамских повестей на ханване*). Т. 2. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội. 1997. С. 139–268 [Pham Dinh Ho, Nguyen An. *Tang thương ngẫu lục (Notes on tragedies and accidents). Tong tap tieu thuyet chu Han Viet Nam*. T. 2. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội. 1997. Pp. 139–268 (in Vietnamese)].

Trịnh Xuân Tiển. *Ấn Vương Trịnh Doanh* (Чинь Суан Тиен. *Ан-вьонг Чинь Зоань*). Hà Nội: Nhà xuất bản Lao động. 2003 [Trinh Xuan Tien. *An Vuong Trinh Doanh*. Hà Nội: Nhà xuất bản Lao dong. 2003. 315 tr. (in Vietnamese)].

鄭家世譜 (*Trịnh gia thế phả. Хроника поколений семьи Чинь*). Рукопись на ханвьете, хранящаяся в библиотеке Института письменности на иероглифике (г. Ханой) под шифром A.1816 [Trinh gia the pha. *Chronicle of the Generations of the Trinh Family*. The manuscript in Hanviet, stored in the library of the Institute Han–Nom (Hanoi) under the code A.1816 (in Hanviet)].

欽定越史通鑑綱目 [*Kham định Việt sử thông giám cương mục. Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности*]. Ксилограф на ханвьете, хранящийся в библиотеке Азиатского общества в Париже под шифром A.2674 [*Kham dinh Viet su thong giam cuong muc (Reflected history of Viet, base and details, created on the Emperor's command)*]. A woodcut in Hanviet, kept in the library of the Asiatic Society in Paris under the cipher A.2674 (in Hanviet)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

ФЕДОРИН Андрей Львович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Andrei L. FEDORIN, DSc (History), Leading Research Fellow, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.